

УДК 316.3

А.А. Бурыкин

Современный коренной северянин как языковая личность (в поисках параметров характеристики)

Аннотация. В статье высказано предложение о необходимости проведения социолингвистического мониторинга и описания характеристик языковой личности представителя народов Севера РФ. Автор предлагает параметры для характеристики языковой личности и персонификацию наблюдаемых языковых процессов, связанных с использованием изучаемым языком, предлагается набор параметров для социолингвистических характеристик языковой личности и микроколлективов.

Ключевые слова: языковой портрет, языковая компетенция, смешение кодов, переключение кодов, гендерный вариант, диалект, билингв, языковой коллектив, литературная норма, личностный статус, ценностная оценка.

A.A. Burykin

Modern native northerner as a linguistic personality (in search of characteristic parameters)

Summary. The article suggested the need for sociolinguistic monitoring and characterization of the linguistic personality of the representative of the Russian North's nations. The author proposes the parameters for the characterization of linguistic personality and personification of the observed linguistic processes associated with using of the object language, provides a set of parameters for sociolinguistic characteristics of the linguistic personality and micro communities.

Key words: linguistic portrait, linguistic competence, code-mixing, code-switching, gender variant, dialect, bilingual, speech community, literary norm, personal status, value assessment.

Традиционная отечественная социолингвистика в применении к сложнейшей материи – языкам народов России, тем более к языкам малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России, почти не занималась такой тонкой материей, как частные функции языка в индивидуальном использовании, чаще всего она ограничивалась детальной статистикой лиц, абстрактно владеющих языком или считающих язык родным. У нас почти нет данных о профессиональной дифференциации и профессиональной структуре коллективов лиц, говорящих на языках малочисленных народов Севера РФ и считающих эти языки родными, – в лучшем случае противопоставления проходят по линии традиционности – нетрадиционности занятий и профессий по возрастным и реже по гендерным границам. В этих условиях де-

дуктивный подход – от намеченного коллектива того или иного типа – локального, возрастного, социопрофессионального, гендерного коллектива к индивидуумам – почти исчерпал себя вследствие того, что критерии его дальнейшей дифференциации в плане выявления групповых особенностей пользования родным языком становятся неочевидными.

Опыты обобщения нетривиальных языковых стратегий в отношении родного языка, наблюдаемые у отдельных пользователей в общении, в экспликации или в дистантном диалоге – например, дискуссии с полярными позициями в научной литературе, периодике или латентной дистантной полемике, когда мнения и позиции оппонентов транслируются друг другу через третьих лиц, – стали свидетельством необходимости вести социолингвистический

мониторинг и заниматься описанием языковых характеристик отдельных пользователей языка, сосредоточить свое внимание на отдельной языковой личности представителя народов Севера РФ в применении к пользователям всех этих языков (они сами называют себя носителями, свыкшись с мыслью о том, что их языки не имеют неэтнических пользователей, которые владели бы ими). Кроме этого, актуальной задачей становится социолингвистическое изучение языковых интенций – намерений пользоваться родным языком в сферах деятельности, не относящихся к традиционному хозяйству и культуре народов Севера РФ – причем не только в декларациях, но и на практике в виде анализа объема и характера текстов и оценки письменного языка и языка СМИ в собственно лингвистическом и социолингвистическом аспектах (возрастные и гендерные параметры коллектива).

Понятие языковой личности вошло в научный оборот уже довольно давно и имеет сложные характеристики (Караулов, 2010: 35 и сл.), и даже специалисты по проблеме признают, что «личность не стала пока равноправным с языком объектом изучения» (Караулов 2010: 48). Особую сложность понятие языковой личности получает при анализе ситуации двуязычия и многоязычия в региональном аспекте и в ситуации языкового сосуществования и языковой конкуренции в функциональном аспекте. Здесь очень многие аспекты проблемы, в частности типы классификации языковой личности по ее поведению в разных коммуникативных ситуациях и в разных языковых и культурных стратегиях, по существу не выявлены, и мы пытались наметить лишь некоторые вопросы в языковой коммуникации и языковом поведении билингов при взаимном общении (Бурыкин, 2001).

В 1980-е годы Н.Б. Вахтин предложил очень интересную систему оценок языковой компетенции носителей аборигенных языков, где учитывалась семиступенчатая градация степени владения языком – от абсолютной компетенции, включающей язык

фольклора, до полного невладения языком. Эта семибалльная оценка Н.Б. Вахтина (Вахтин, 1984, 1992) ориентирована прежде всего на оценку степени сохранности данного языка в коллективе и при обобщении – в этносе в целом и на «качества» информантов для лингвиста, однако безусловно, что она может использоваться и для оценки компетенции в чисто социолингвистическом плане, что находило применение в исследовании самодийских языков, в частности ненецкого (Люблинская, 1986, 2000, 2001).

Более того, очевидно, что эта семибалльная система оценок Н.Б. Вахтина может быть пересчитана для ситуации двуязычия, и тогда при совмещении оценок в компетенции по двум языкам мы получим потенциально $7 \times 7 = 49$ типов потенциальных билингов-пользователей двух языков, из которых актуальными будут 46 типов соотносительных оценок языковой компетенции у билингов, так как носители нулевых оценок по двум языкам и по одному из сравниваемых языков определенно выпадут из рассмотрения.

Предлагаемая вниманию читателей работа в сложившейся языковой ситуации и в ситуации, имеющей место в современной отечественной сибиреведной социолингвистике с учетом ее наследия 1960-х-1990-х годов, – предусматривает как минимум три цели.

Первая цель – составление индивидуальных языковых портретов в виде анкет, на которые могут отвечать адресаты исследователя, «носители языка» по их собственной оценке, то есть пользователи языка или наблюдатели этнического / регионального языка, живущие в условиях его использования, слышащие язык в СМИ или в устном общении, воспринимающие элементы языка при посредстве региональной субкультуры, но не являющиеся его активными пользователями.

Вторая цель – составление таких же индивидуальных или групповых портретов в виде карт-таблиц, которые заполняются

исследователем исходя из его собственных наблюдений и оценок в границах этноса, населения одного обследуемого пункта или социопрофессиональной группы. Здесь было бы весьма любопытно сравнить то, что наблюдает исследователь, и то, что говорят сами о себе те же пользователи языка, с которыми он контактирует: полученный коэффициент иллюзии также будет существенным для оценки языковой ситуации.

Третья цель – чисто теоретическая: исчисление параметров для характеристики языковой личности и персонификация наблюдаемых языковых процессов, связанных с использованием изучаемым языком.

Представленные ниже вопросы, собранные в определенную систему, с одной стороны, отражают современную языковую ситуацию во многих регионах проживания коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России в том виде, в каком она обсуждается в социалингвистике и отчасти в социологической публицистике (статьи и выступления общественных деятелей, писателей и т.д.), с другой стороны, основываются на имеющемся у автора опыте отслеживания типичных негативных явлений, характерных для современной языковой ситуации и сохранения языков коренных народов Севера РФ, – к ним относятся адаптация языковой политики к уровню школьного обучения языкам при игнорировании интересов старших поколений, специфические условия получения среднеспециального и высшего образования для лиц, владеющих языками коренных народов Севера РФ, часто не обеспечивающих необходимого уровня языковой компетенции, который не был бы привязан к профессиональному стандарту, формы кадровой политики в образовательных структурах и национальных СМИ, не обеспечивающие адекватной смены поколений при сохранении необходимой продуктивности и эффективности профессиональной деятельности – сюда относятся и ежедневная работа над материалами в СМИ, и обеспечение подготовки новых

комплектов учебников и учебных пособий, и совершенствование методик обучения языкам, и участие педагогов и журналистов в культурных программах и начинаниях – к ним относится выпуск новых произведений художественной литературы, работа с фольклором, разнообразные формы переводческой практики, без которой языки коренных народов изолируются от языков межэтнического общения, что приводит к уменьшению числа сред и сфер функционирования языков коренных народов. Наконец, последнее, о чем стоит сказать – это некомфортность ситуации контакта представителей самих коренных народов Севера РФ – «носителей языков», в основном представляющих старшие поколения, с представителями более младших поколений тех же этносов, работающими в тех же сферах (прежде всего это система образования, далее – сфера региональной науки и профессиональная литературная деятельность), а также с коллективом неэтнических пользователей языков, к которым относятся преподаватели, ведущие курсы языков коренных народов Севера РФ в вузах, лингвисты, изучающие эти языки и активно владеющие ими, отдельные энтузиасты-краеведы и работники культуры. Эти явления попадают в поле зрения этносоциологов и специалистов по социалингвистике в основном в количественных оценках и только на уровне общего снижения числа лиц с высокой языковой компетенцией и старением журналистских и педагогических кадров. Внутренняя и внешняя конфликтность подобных ситуаций знакома отдельным специалистам при использовании данных включенного наблюдения. Тем не менее эти вопросы, с неизбежностью вскрывающиеся при углубленном исследовании языковой ситуации и стратегий поведения тех или иных групп языковых личностей, требуют к себе внимания как феномен и объект социалингвистики.

Компоненты характеристики представителя коренных народов Севера РФ как языковой личности:

1. Общая оценка языковой компетенции:

1а. Негативная – респондент ничего не знает о языке и не может им пользоваться ни в активной, ни в пассивной форме.

1б. Позитивная – респондент имеет какие-либо представления о родном языке и может им пользоваться на каком-то уровне.

2. Определенные уровни языковой компетенции и стратегии применения языка:

2а. Респондент владеет определенными языковыми символами (часто не зная норм употребления): здравствуй – етти, еттык, как дела – р̄апынгыл? спасибо – вэлынкыкун!¹

2б. Респондент владеет языковыми символами, но считает такое владение недостаточным.

2в. Респондент владеет бытовой речью в сфере, близкой к традиционному укладу жизни и традиционному хозяйству.

2г. Респондент владеет бытовой речью и какими-то сферами профессиональной речи.

2д. Респондент владеет бытовой речью, профессиональной речью, знает фольклор или имеет представление о литературе на родном языке.

3. Знакомство с гендерными вариантами речи и владение ими:

3а. Респондент не знает о существовании гендерных вариантов речи.

3б. Респондент владеет гендерным субстандартом речи (для чукотского языка мужское произношение).

3в. Респондент воспринимает (понимает) иногендерный стандарт речи (женское произношение).

3г. Респондент владеет зависимым гендерным стандартом речи (женщины, владеющие мужским и женским вариантами речи).

4. Языковая компетенция и практика переключения кодов:

4а. Респондент способен осуществлять переключение кодов с родного на русский или более распространенный язык.

4б. Респондент способен осуществлять переключение кодов с родного языка на иной язык и с иного языка на родной язык.

5. Механизмы и факторы переключения кодов:

5а. Респондент осуществляет переключение кодов как переход на русский язык, при этом переключение имеет вынужденный характер и обуславливается квазибезэквивалентностью в идиолекте.

5б. Для респондента переключение на родной язык имеет лингвокультурную мотивированность.

5в. Для респондента переключение кодов с родного языка на русский и с русского на родной язык имеет осмысленный, управляемый характер.

6. Практика смешения кодов и ее оценка:

6а. Смешение кодов (языков) наблюдается в собственной речи респондента и не оценивается.

6б. Смешение кодов не наблюдается в собственной речи респондента и не имеет положительной оценки при наблюдении над чужой речью.

6в. В собственной речи респондента смешение кодов избегается, налицо тенденция заполнять языковые лакуны новообразованиями.

7. Преимущественное использование и выбор языка в общении с собеседниками-билингвами:

7а. Респондент отдает предпочтение родному языку.

7б. Респондент отдает предпочтение более употребительному языку.

8. Степень и оценка своей языковой компетенции в своей семейной и социо-профессиональной среде:

8а. Респондент не осознает зависимости своей языковой компетенции от окружающей семейной среды или профессии (будущей профессии) или видит такую

¹ Мы приводим примеры из чукотского языка по следующим причинам: чукотское приветствие «етти, еттык» – «ты пришел?» (строго к одному пришедшему), «еттык» – «Вы пришли» (строго – к нескольким пришедшим, нестрого – в роли вежливой формы типа русского Вы) произносится тем, к кому именно пришел адресат приветствия, а не тем, «кто лучше воспитан» и намеревается здороваться первым. Чукотское «вэлынкыкун», переводимое как «спасибо», на самом деле произносится тогда, когда у адресата дара или оказанной услуги больше нечем отблагодарить адресата этого высказывания. Нарушение этих норм снижает оценку языковой компетенции.

зависимость, но ориентируется на средний социофессиональный уровень.

8б. Респондент осознает зависимость своей языковой компетенции от среды (социальной или профессиональной), но стремится превзойти этот уровень.

9. Языковая компетенция и языковая практика на фоне социофессиональной среды и охватывающего ее коммуникативного круга:

9а. Респондент проявляет в практике тенденции к использованию языка в качестве «тайного», безразличие или стремление к ограничению круга общения на родном языке.

9б. Респондент проявляет в практике тенденции к расширению круга общения на родном языке.

10. Степень языковой рефлексии в сфере диалектов и близкородственных языков:

10а. Респондент не имеет представления о диалектах или родственных языках: не понимает речь на диалектах или родственных языках, дистанцируется от коммуникации с использованием диалектов или близкородственных языков.

10б. Респондент имеет определенные представления о диалектах или родственных языках из опыта общения; может поддерживать коммуникацию на диалектах или близкородственных языках.

11. Отношение к письменной форме языка:

11а. Респондент не владеет или не пользуется письменной речью вообще: предпочитает не писать и не читать.

11б. Респондент владеет пассивной письменной речью, но не владеет активной письменной речью: может читать, но не пишет на языке.

11в. Респондент владеет письменной речью, но имеет слабые представления о графико-орфографических нормах языка.

11г. Респондент владеет письменной речью и может читать тексты на диалектах или тексты с устаревшими или искаженными графико-орфографическими нормами.

11д. Пользование письменной формой родного языка у респондента имеет узко-профессиональный характер и связано с педагогической деятельностью или журналистской работой.

12. Отношение к нормам языка:

12а. Респондент не имеет представлений о литературно-письменной норме: пользуется родным или местным диалектом в форме персонального субстандарта.

12б. Респондент владеет диалектной нормой и замечает и осознает отступления от диалектной нормы.

12в. Респондент имеет представления о норме родного языка, но намеренно ею не пользуется, предпочитая ей собственный диалект или упрощенную форму языка с отступлениями от стандарта.

12г. Респондент имеет определенные представления о литературной норме родного языка и стремится ее выдерживать.

13. Компетенция в формах функциональных разновидностей языка:

13а. Респондент не осознает материальных (лексических, грамматических, фонетических) различий в разных функциональных формах языка: уклоняется от контакта с малознакомыми формами языка (шаманские тексты, песни, прозаический фольклор, ранняя литература).

13б. Респондент осознает различия в функциональных формах языка, обладает способностью к контакту с такими формами языка, может их интерпретировать и адекватно передавать на другом языке при переводе.

13в. Респондент обладает способностью к имитации различий в функциональных формах языка.

14. Социолингвистическая рефлексия и авторефлексия: опыт наблюдений над собственной речью и речью коллектива:

14а. Респондент является партнером своей социофессиональной среды, нивелирующей языковую компетенцию до того или иного уровня включительно: признает формы использования языка в этой среде даже при их внекоммуникативном характере.

14б. Респондент имеет круг коммуникации шире своей социофессиональной среды: стремится к расширению сфер и сред использования языка до использования языка в общении. Стремится к расширению круга лиц, с которыми может использовать язык в той или иной форме общения – устной или опосредованно-письменной (не обязательно писать письма на языке, можно обмениваться фольклорными или литературными текстами для прочтения и обсуждения).

15. Языковая компетенция и способность к активному управлению коммуникацией в плане выбора языка:

15а. Респондент имеет способности и склонность к управлению коммуникацией – нейтральная позиция: выбор языка оставляется собеседнику.

15б. Респондент осуществляет выбор языка в общении с ориентацией на собеседника-билингва.

16. Характер управления коммуникацией на родном языке:

16а. Респондент проявляет негативное отношение к выбору своего родного языка собеседником-билингвом («Я по-русски / по-якутски говорю»).

16б. Респондент проявляет нейтральное или коммуникативно-мотивированное положительное отношение к использованию родного языка собеседником.

16в. Респондент демонстрирует рефлексивное отношение к использованию родного языка собеседником: исправление речевых ошибок собеседника, оценка речи собеседника и лиц, находящихся в поле зрения.

16г. Респондент проявляет положительное отношение к использованию родного языка собеседником-билингвом.

17. Оценка уровня языковой компетенции собеседника:

17а. Респондент показывает отсутствие оценки уровня языковой компетенции собеседника.

17б. Респондент высказывает пренебрежительную оценку языковой компетенции

собеседника: занижение уровня языковой компетенции собеседника.

17в. Респондент проявляет удовлетворенность языковой компетенцией собеседника.

17г. Респондент проявляет стремление к языковому просвещению собеседника: объяснение непонятных слов, лингвокультурное комментирование предмета речи, поддержание коммуникации на родном языке, одобрение стремлений к овладению родным языком.

18. Оценка уровня языковой компетенции группы собеседников / сообщества / возрастной группы / территориальной группы:

18а. Респондент демонстрирует отсутствие оценки уровня языковой компетенции группы собеседников / сообщества и т.д.

18б. Респондент демонстрирует пренебрежительную оценку языковой компетенции группы собеседников / сообщества / возрастной группы / территориальной группы.

18в. Респондент выражает удовлетворенность языковой компетенцией группы собеседников / сообщества / возрастной группы / территориальной группы.

19. Оценка и императивность в регулировании использования языка в разных коммуникативных полях (соседних территориальных группах, группах носителей близких говоров, этнических или профессиональных средах, с которыми имеется контакт пользователей языка, СМИ, учебных пособиях):

19а. Респондент демонстрирует нейтральное поведение в отношении использования языка в сложившейся языковой ситуации: проявляет восприятие языковой реальности как данности; показывает или высказывает нейтральное отношение к любым формам двуязычия.

19б. Респондент осуществляет управление коммуникацией в своем коммуникативном поле: поощряет стремление к освоению родного языка неэтническими пользователями, демонстрирует поощрение взаимного двуязычия, поддержание

статуса собственного языка как языка межэтнической коммуникации, занимает позицию по отношению к языку как к открытому средству информации и к коллективу говорящих как к открытому для присоединения.

19в. Рецензент демонстрирует управление коммуникацией не в своем коммуникативном поле: эксплицитно или по умолчанию (на практике) поощряет ограничение распространения родного языка представителями этноса, ограничение взаимного двуязычия при поощрении невзаимного двуязычия или многоязычия представителями собственного этноса; проявляет стремление сохранить родной язык как этнический, социофессиональный и возрастной маркер внутри замкнутого коллектива.

20. Творческий потенциал языка в узусе литераторов, журналистов, педагогов:

20а. Респондент осуществляет творческое использование языка без оценки коммуникативной перспективы: использование языка как средства профессионального самопроявления и/или сохранения и консервации лингвокультурной информации.

20б. Респондент осуществляет творческое использование языка с оценкой коммуникативной перспективы, ориентация на читателя, владеющего языком, переводчика и исследователя литературы.

21. Ценностные аксиологические оценки родного языка:

21а. Ценностная оценка языка респондентом – первая, абсолютная: этнический родной язык выше других языковых ценностей.

21б. Ценностная оценка языка респондентом ниже оценки какого-то другого языка (языка межкультурной и межэтнической коммуникации, языка образования и т.п.).

22. Пропорция родного языка в соотношении с другим языком билингва в устной форме:

22а. Баланс в индивидуальном устном корпусе языка в практике респондента – нулевой: в коммуникации предпочитается другой язык.

22б. Баланс в индивидуальном устном корпусе языка в практике респондента – ненулевой: в коммуникации родной язык занимает существенное место.

23. Пропорция родного языка в соотношении с другим языком билингва в письменной форме:

23а. Баланс в индивидуальном письменном корпусе языка респондентом – нулевой при активном использовании другого языка в письменной форме.

23б. Баланс в индивидуальном письменном корпусе языка респондентом – положительный при нулевом или минимальном использовании другого языка в письменной форме.

23в. Баланс в индивидуальном письменном корпусе языка респондентом – положительный при активном использовании другого языка в письменной форме: гармоничное письменное двуязычие или многоязычие.

24. Ценностная оценка языковой компетенции ближайшего – этнического или этносоциопрофессионального окружения:

24а. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции ближайшего окружения: этнического или этносоциопрофессионального окружения, положительная оценка или нейтральная оценка независимо от уровня («удовлетворительная»).

24б. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции ближайшего окружения: нейтральная оценка с осмыслением ее как недостаточной или явно низкая оценка.

25. Ценностная оценка языковой компетенции инорегионального или инодиалектного окружения.

25а. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции инорегионального или инодиалектного окружения: нейтральная («у нас свой язык, у них свой»).

25б. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции инорегионального или инодиалектного окружения: негативная, предполагающая повышение оценки собственного диалектного

или территориального варианта языка (наш язык древний/чистый/правильный, их язык испорченный/нечистый/неправильный).

25в. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции инорегионального или инодиалектного окружения: уравнивающая статус языка.

25г. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции инорегионального или инодиалектного окружения, снижающая статус собственной языковой формации.

26. Ценностная оценка языковой компетенции более удаленного окружения: соседского, собственно профессионального, городской среды по отношению к сельской и наоборот, диаспоры по отношению к местам расселения большинства этноса:

26а. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции более удаленного окружения: соседского, собственно профессионального, инорегионального, инодиалектного и т.д. – положительная оценка или нейтральная оценка независимо от уровня – «удовлетворительная».

26б. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции более удаленного окружения: соседского, собственно профессионального, инорегионального, инодиалектного и т.д. – нейтральная оценка с осмыслением ее как недостаточной или явно низкая оценка.

26в. Ценностная оценка респондентом языковой компетенции более удаленного окружения: соседского, собственно профессионального, инорегионального, инодиалектного и т.д. – завышающая статус компетенции данного окружения с занижением собственного статуса.

27. Оценка родного языка в плане перспектив развития в связи с перспективами взросления и приобретения образования:

27а. Респондент считает, что родной язык не имеет перспектив: «родной язык – язык детей, учителей и стариков».

27б. Респондент осознает необходимость действий внешнего фактора для

приобретения перспектив расширения функций языка.

27в. Респондент понимает необходимость действий внутренних факторов в коллективе пользователей для приобретения перспектив расширения функций языка.

28. Личностный статус в социолингвистической перспективе:

28а. Респондент демонстрирует осознание собственной эксклюзивности или принадлежности к лингвистическому истеблишменту.

28б. Респондент демонстрирует осознание принадлежности к этносу, сохраняющему язык, вне социального автопозиционирования.

28в. Респондент демонстрирует осознание принадлежности к региональному одноязычному или многоязычному коллективу с разными объемами применения и формами использования языков.

28г. Респондент демонстрирует осознание принадлежности к языковому коллективу как к коллективу пользователей языка вне этнических или территориальных границ.

Как мы полагаем, наиболее интересная и наиболее полная картина характеристик отдельных языковых личностей и групп языковых личностей может быть получена путем сопоставления ответов на представленные вопросы в виде анкеты в сочетании с оценками индивидуальных языковых практик респондента, полученными в ходе наблюдения исследователя над отдельными языковыми личностями и языковыми коллективами. Несоответствие эксплицитных ответов и оценок практики будет важнейшим фактом языковой ситуации как в индивидуальных проявлениях, так и в групповой репрезентации. Отдельные вопросы из тех, что затронуты в данной работе, заслуживают и более глубокого исследования и более широких наблюдений на материале самых разных языков народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, а также языков любых меньшинств, представители которых являются билингвами.

Литература

1. Бурькин А.А. Заметки к характеристике языковой коммуникации билингвов: ритуал, спектакль, балаган и карнавал // Ритуальное пространство культуры. Материалы международного форума. 26 февраля – 7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 274-277.
2. Вахтин Н.Б. К социолингвистическому описанию эскимосских поселений Чукотского полуострова // Лингвистические исследования 1984. Историко-типологическое изучение разнотипных языков. М., 1984.
3. К типологии языковых ситуаций на Крайнем Севере (предварительные результаты исследования) ВЯ 1992. – № 4. – С. 45-59.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
5. Люблинская М.Д. К социолингвистическому описанию ненцев поселка Носок Таймырского полуострова // Лингвистические исследования 1986: Социальное и системное на различных уровнях языка. М., 1986. С. 136-141.
6. Люблинская М.Д. Языковая ситуация на Таймыре // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 309-314.
7. Люблинская М.Д. Современное состояние и функционирование ненецкого языка // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. М., 2001. С. 238-240.

References

1. Burykin A.A. 2001 – Zаметki k harakteristike jazykovej komunikacii bilingvov: ritual, spektakl', balagan i karnaval // Ritual'noe prostranstvo kul'tury. Materialy mezhdunarodnogo foruma. 26 fevralja – 7 marta 2001 g. SPb., 2001. S.274-277.
2. Vahtin N.B. K sociolingvisticheskomu opisaniju jeskimoskich poselenij Chukotskogo poluostrova // Lingvisticheskie issledovanija 1984. Istoriko-tipologicheskoe izuchenie raznosistemnyh jazykov. – M., 1984.
3. K tipologii jazykovyh situacij na Krajnem Severe (predvaritel'nye rezul'taty issledovanija) VJa 1992, № 4. S.45-59.
4. Karaulov Ju.N. 2010 – Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M., 2010.
5. Ljublinskaja M.D. 1986 - K sociolingvisticheskomu opisaniju nencev poselka Nosok Tajmyrskogo poluostrova // Lingvisticheskie issledovanija 1986: Social'noe i sistemnoe na razlichnyh urovnjah jazyka. M., 1986. S. 136-141
6. Ljublinskaja M.D. 2000 – Jazykovaja situacija na Tajmyre // Jazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ja: status i funkcii. M., 2000. S. 309-314.
7. Ljublinskaja M.D. 2001 – Sovremennoe sostojanie i funkcionirovanie neneckogo jazyka // Jazyk i obshhestvo na poroge novogo tysjacheletija: itogi i perspektivy. Tezisy dokladov mezhdunarodnoj konferencii. M., 2001. S. 238-240.